

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ:

Дон Жуан занимает мое воображение

Гастрольный план Дмитрия ХВОРОСТОВСКОГО расписан до 2002 года. Как и положено звезде мирового уровня, певец виртуозно управляет с ланчовой оперной театром, новыми партиями и записей. Среди его последних работ — партия злодея Фрагеско в опере Верди "Разбойники" в театре Коветт-Гарден. Вперёд — выступления в театрах Женева и Зальцбург в главной партии в "Дон Жуане" Моцарта и съемки в музыкальном фильме — артисту предстоит исполнить две роли: и Дон Жуана, и Лепорелло. Перед новым гастрольным марафоном певец выкроил время для выступлений в России, два дня концерта — в Большом зале консерватории и Театре "Новая опера". Тогда же было взято и это интервью.

ФОТО: С. КУЗНЕЦОВ

— Дмитрий, в нашей стране сейчас исключительный кризис. Как вы считаете, бедность способствует укреплению духа? И любви к искусству?

— Во-первых да. И дело не только в кризисе. Когда мы жили богато? И раньше жила небогато, а сейчас тем более, просто отношение к искусству, к музыке на Западе, в принципе, более потребительское, нежели в России. Это все от хорошей жизни. А не от хорошей жизни... Русский человек ждет от музыки того, что не может получить в реальности: забавная, надежда, любви. Того же ждут от нее и я.

— Не боитесь предлагать сытой западной публике музыку Георгия Свиридова?

— Иногда мне кажется, что капля камень точит. Когда мы с Аркадием исполнили Свиридова на прославленных сценах мира при битом набитом зале, когда после "Отчужденной Руси" или "Петербург" люди вставали и со слезами на глазах аплодировали, появлялось ощущение, что что-то меняется. С другой стороны, трудно представить, как может западный человек понимать музыку, в которой радость, безысходность, в которой радость смешана с трагедией, а надежда всегда горькая.

— Судя по тому, как часто вы исполняете Свиридова, вам больше по сердцу трагические сочинения?

— Пожалуй, да. Хотя от них устаешь. Свиридова я пел четыре года и совершенно устаю, поэтому сей-

час переключаюсь на другие, абсолютно полные вещи: Дон Жуан, Риголетто... Я приостановил пока свою камерную карьеру для того, чтобы лучше освоить следующий — оперный — этап. По сути, этот этап начался два года назад и идет пока — тыфу-тыфу! — весьма успешно. А сейчас мое воображение занимает Дон Жуан, это одна из моих любимых ролей. Несколько лет назад я не мог позволить себе петь Дон Жуана (хотя получал немало приглашений); просто не вырос — ни голосом, ни морально. Сейчас, после определенного опыта участия в операх Моцарта, я считаю, что этот момент настал. Надеюсь, через несколько лет достанутся большие вердиевские партии: Риголетто, Макбет, Фальстаф, может быть, Яго...

— Почему-то я пока с трудом представляю вас в роли отрицательного персонажа.

— И напрасно. Баритонам — судя по пьесе обманутых мужей, неудачников, злодеев... Например, последние три месяца я исполнил партию Франческо в вердиевской опере "Разбойники". Это отъявленный злодей, что-то типа Яго, только еще хуже. И, представьте себе, мне понравилось. От спектакля к спектаклю я находил все новые и новые краски и совершенно не устаю от этой партии.

— А от каких партий вы устаете?

— Я устал от однообразия. Видимо, такой склад характера. Мне хочется охватить как можно больше

— чтобы показать себя, развиться, да и просто наслаждаться тем, что я делаю. Процесс пения ведь требует большой отдачи, проживания того, что ты поешь, а без наслаждения это невозможно.

— В вашем репертуаре есть партии, которые как бы сорпоставляются, не даются?

— Конечно. Например, граф Альмавива в "Свадьбе Фигаро" — партия психологически очень трудная. Я просто не могу смириться с тем, что граф в конце концов оказывается одурманенным. Терпеть не могу, когда меня дурачат.

— А какие партии средни внешне характеру?

— Наверное, что-то от моего характера есть в Сигизмунде, в Елецком, в Фигаро, наверняка есть что-то в партии Дон Жуана.

— Опера — жанр притягательный, соблазнительный. Не боитесь, погружаясь в оперную стихию, совсем забыть о камерной карьере?

— Проблема в другом. После Свиридова нужен не шаг назад, не шаг в сторону, а шаг вперед. Что это может быть? Шостакович. Может быть, Гин Каминелли, с которым я недавно познакомился, — великолепный композитор и человек глубокий... Я обожаю его музыку, но среди написанных им вокальных сочинений ничего для себя пока не нашёл. И все-таки наша встреча произошла, мы стали думать о совместной работе и, надеюсь, что-то придумаем. Что касается Шостаковича, то на Западе

Шостакович исполняем и очень любим. В этом смысле здесь не нужно никакой дополнительной пропаганды, какая, скажем, бывает нужна в случае с музыкой других русских композиторов, того же Георгия Свиридова...

— Вы говорите о западной публике. А как быть с нашей? Как часто вы планируете бывать своими визитами российскую публику?

— Поверьте, все о ней, которые появляются в моем графике, я заранее придумываю в России. Наверное, я должен научиться так планировать свою деятельность, чтобы оставаться по крайней мере процентов пятнадцать времени для России. Впрочем, какие-то поездки я уже предпринимаю: например, летом был с концертами в Петербурге, в Белоруссии, на Украине.

— Дмитрий, на каком языке говорите вашим детям?

— К сожалению, свои первые слова они произнесли по-английски, так как у них были английские няньки. Собственно, я перешел с семей в Лондон именно для того, чтобы иметь возможность бывать дома. Живя в Москве, я практически никогда не виделся с семьей. А сейчас я довольно часто, хотя бы на один день или ночь, остаюсь в Лондоне. Надеваю своих детей в Круазерок, и бабушка с дедушкой. Они там выучили много новых слов, но тем не менее продолжают пока говорить на смеси русского и английского. Наверное, не стоит на них давить — рано или поздно они будут говорить по-русски, и достаточно хорошо, я уверен.

— Замечательно, что вы имеете возможность бывать с детьми. И все-таки чужденная жизнь, наверное, не оставляет времени для их воспитания?

— Действительно, бесконечные поездки, аэропорты, города сплошной суеты с ума кого угодно! И все-таки я стараюсь находить время для детей — например, я был с ними все те полтора месяца, что отдыхал от концертов...

— Вы строгий отец?

— Скажи им читаешь?

— И скажи читаю, и песенки пою.

— Из классического репертуара?

— "Спят кусточки, спят кусты", это что — классика? (Смеется).

— А какую музыку предпочтете сами, когда хотите расслабиться?

— Музыка для ног, музыка как фон существует для меня так же, как и для других. Но я не могу просто слушать музыку — мне обязательно надо работать, пропускать ее через себя. Поэтому, если есть такая возможность, я предпочитаю вообще ничего не слушать.

— У вас никогда не возникало желания поработать на стыке серьезного и легкого жанров, по примеру трех знаменитых тенористов?

— Ах, вот вы о чем! На мой взгляд, все это происходит не от хорошей жизни. Когда величайшие теноры нашего времени переходят до поп-музыки... Я не считаю, что это правильно. Поэтому до сих пор ничего такого не сделал, хотя испытываю определенное давление со стороны фирмы "Филипс-классик", разговоры на эту тему ведутся со мной несколько лет. С другой стороны, это явление обильное. На Западе интерес к классической музыке сильно падает, молодежь, которая будет жить в XXI веке, совсем не будет знать, что такое классика. В этой ситуации все средства хороши. Если такие концерты "на стыке жанров" помогут возродить интерес к серьезному искусству, слава Богу.

— Западная публика отличается от российской?

— У меня особое отношение к русской публике. Выступать перед ней — своего рода экзамен, испытание. Люди живут здесь трудно. Часто они ждут от тебя чего-то такого, чего ты не можешь дать. Из-за этого чувствуешь огромную ответственность, какой-то груз, поэтому волноваться дико, бьется, себя выкашляешь.

— Имея за плечами такой колоссальный опыт, вы по-прежнему "дикое волнуетесь"?

— Ну вот, дожил до того, что мне говорят, что у меня за плечами "колоссальный опыт". Хорошо, пусть будет так. Я могу с полной ответственностью вам сказать, что теперь я волноваться гораздо больше, нежели раньше. Вообще, чем больше я пою, тем больше понимаю, что я... ничего не понимаю. Несколько лет тому назад я думал, что я — голубь Бог и знаю и умею все. Сейчас — абсолютно противоположное...

— Какие еще уроки вы выносите, вращаясь в мире оперных звезд и познавая славу?

— Научился владеть собой. Улыбаться, когда на душе кошки скребут, говорить медлительным голосом, сыпать комплиментами людям, которые не всегда этого заслуживают. Таков этикет, и ты должен ему следовать. Раньше я этого не умел. Но в целом я люблю этот мир и принимаю его таким, каков он есть. Так, как принимаешь любимого человека.

— В каком театре вам уютнее всего?

— Трудно сказать. Их было столько... Наверное, в Метрополитен-опера.

— А в Большом?

— Не знаю. Я чудной человек в этом театре и некогда не был своим. Мне довольно дважды петь в Большом, но как-то не складыва-

лось. Не мое это, не мое. Может быть, с годами все образуется, а пока...

— Судя по всему, для вас гораздо приятнее сцена "Новой оперы".

— О, это уникальный театр! И уникален он в первую очередь благодаря Евгению Колобову. Мы давно знакомы, и я убежден, что таково музыкальное, что Колобов, на планете больше нет. Он — человек не из нашего мира, поэтому ему очень трудно жилось, в людях вокруг него — еще труднее. Как можно жить с интеллигентными? — невозможно! Колобов — великий экспериментатор, обладающий необычайной смелостью в трактовке известных произведений. Может, кому-то другому это было бы и не простительно, а он имеет на это право. Словом, всегда, по любому поводу я готов принимать охиду и мушкетировать с Евгением Владимировичем. Для меня это очень большая часть и великая радость.

— К сожалению, Евгений Владимирович не ищет контактов журналистов и не идет на них какое-то сотрудничество.

— Понимаете, есть два полных типа музыкантов — например, Колобов и Гергиев. Гергиев — диктор одареннейший, талантливый. При этом активнейший музыкальный деятель, сумевший заставить работать российскую оперу на западный манер, посетивший всю свою жизнь процветающие театры и провозгласив русскую музыку за рубежом. Для него так же, как и для меня, это дело жизни. А то, что делает Колобов... Я бы очень хотел Гергиева передать Колобову. Вообще — дикать лет назад я пытался нагреть Жюно по этому пути и был отторгнут. А между тем (может быть, к сожалению, может быть, к счастью) большинство великих музыкантов, живущих на Западе, прочно увязывают музыку с... политической (назовем это так). Зубин Мета, Сиджи Озава, Рикардо Мути... Конечно, не всегда это получается, может быть, не всегда это хорошо... Хотя мне трудно судить, я не знаю всего. Видно, что ни говорю, я остаюсь гостем в своей стране, моему проходит мимо меня.

— Дмитрий, как складываются ваши отношения с прессой? Что вас больше стимулирует к творчеству: похвала или критика?

— Наверное, похвала. Хотя... критика, может быть, тоже. Только не агрессивная. Впрочем, мне грех жаловаться — по-моему, я оболюван критикой. Во всяком случае, по сравнению с некоторыми моими коллегами и в этом отношении почти счастливец.

Беседу вел
Татьяна СИДОРОВА